

ТРЕБОВАНИЙ

ПРОБЛЕМЫ РЕПЕРТУАРА

сколько сильный, зрелый организм этот коллектив. Сильный талантами актеров, высокой культурой режиссерского искусства, ансамблевостью высшего ранга, когда на сцене возникает большое по страстям, по накалу событий, по умению смотреть на прошлое глазами современника произведение. В спектакле светится глубокая мысль, сверкает ослепляющая ненависть ко всему мертвому, отжившему. Именно этот спектакль еще раз убеждает, что театр не может развиваться без большой, сильной идеи и образами драматургии (в этом особое достоинство инсценировки).

В течение каких-нибудь трех часов перед нами прошла целая эпоха с колоритными, неповторимыми образами, характерами, конфликтами. И это была не куколкамера, не паноптикум, а живая действительность: Эпоха конца прошлого века — колония немецких баронов и цареких урядников. Отсюда — цепкий клубок противоречий, острых конфликтов, человеческих трагедий.

Искусством перевоплощения владеют исполнители почти всех ролей в этом спектакле — от самой маленькой, вроде добряка Миги (арт. Антас Пыги) или трогательной, но отнюдь не сентиментальной ролью учителя Войтинского

(Ю. Ярвет), и кончая злобещим господином Маурусом в блистательном исполнении Антаса Эскола.

Можно много писать об актерских удачах, о глубине и тонкости режиссерского решения. Но я не рецензирую спектакль. И к пьесе «Человек и бог» обратился лишь затем, чтобы определить идейно-художественную линию в сегодняшнем репертуаре театра. Этот спектакль, можно сказать, излучает ту творческую энергию, которой как-то «заряжаются» и другие постановки эстонской сцены.

Сейчас в театре мечтают о «новой вышке». Надежды возлагаются на готовящуюся к постановке пьесу «Авария» В. Панса. Она приоткрыла остротой поставленных проблем, яркостью очерченных характеров.

Конечно, инсценировка В. Панса, как и роман А. Таммсааре, несет в себе психологически-бытовой элемент. Мое глубокое убеждение — без быта вообще нет театра! Но он должен составлять только фон, только конкретную обстановку, помогающую точнее и обстоятельнее раскрыть и мотивировать судьбы людей, характер конфликтов.

Постановка «Человек и бог» подтверждает еще и ту простую истину, что к сердцу зрителя любой национальности всегда пробьется про-

изведение, над которым не довлеет так называемая «национальная специфика», обычно несущая в себе обилие натуралистических, бытовых и этнографических подробностей. Чтобы драматическое произведение дошло до сознания широкого зрителя, надо, чтобы оно по крайней мере удовлетворяло двум условиям: во-первых, представляло общечеловеческий интерес и, во-вторых, вызывало пафос у народа, для которого оно было создано. Подчеркивание сугубо бытового, натуралистического колорита (а под этим порой только и понимают «специфику» национальной формы) может помешать раскрытию общечеловеческого. В частности, в этом наглядно убеждает инсценировка первой части романа А. Таммсааре, носящая название «Отец и дети Варямая». Тогда театр создавал типичный натуралистически-бытовой спектакль, в котором «экспонировались» нравы патриархальной деревни.

Этого не случилось в «Человеке и божестве», не случилось потому, что в национальном проявилось общечеловеческое. Я не сомневаюсь, что высокая идейная основа данного спектакля как-то определила собой ту интонацию сдержанности, строгости, даже суровости, которая заметна в игре Антаса Эскола и Вольды Отсуса в пьесе У. Гибсона «Двое на каменных». Актеры четко и вместе с тем

тактично подчеркивают те черты в характерах своих персонажей, которые ведут к душевной опустошенности, безрадостному одиночеству, мрачному пессимизму и ожесточению. Из их игры почти полностью ушел налет патологической возбужденности, подчеркнутой эротикой. Но, несмотря на все их старания, этот спектакль все же не привлек внимания зрителя. В тот вечер, когда я его смотрел, в зале сиротливо сидело два-три десятка зрителей. И это составило разительный контраст со спектаклем «Человек и бог», делавшим и сегодня аншлаг.

Другой премьерой театра явилась постановка пьесы «Чужой» Эйно Альта. Это его вторая пьеса. Ей предшествовала «Слепой», где рассказывается об истории одного журналиста и девушки с улицы, о которой автор многозначительно говорил: «та, которая завершает свой портрет». Писме Меек, слепой, был журналистом, был призван на войну, вел дневник, в котором хотел проследить черное дело войны, но, пройдя все ее испытания, написал правду о войне и о тех, кто сплел с цепи «бешеную собаку». Страна, где происходит действие, не названа. Но можно предположить, что это Западная Германия или еще какая-нибудь из стран НАТО. Создавая такой неопределенный фон действия, автор до некоторой степени облегчил себе задачу. Но, основывая пьесу от быта, он обескровил и характеры действующих лиц, пригнул их драматизму. Все-таки и спектакль мы видим несколько актерских удач и прежде всего яркую игру Иты Эвер. В целом же он не ос-

тавляет большого впечатления, ибо все изображается приблизительно.

Вторая пьеса Э. Альта, «Чужой», посвящена нашей действительности. Ее тема — доверие к людям. До поднятия занавеса с героями происходит следующее: двое молодых — Яан и Пирет познакомились и по-дружились. Девушке пришлось «испытать страх стать матерью». Чтобы устранить такую опасность для Пирет, ее мать Марет увезла дочь в другой город, на другое строительство. Но, очевидно, чувства юноши оказались сильнее, чем предполагала мать, и он поехал следом за Пирет.

В этот момент и подымается занавес. Яан смело приходит к Марет Сеппел и просит принять его на работу. Сеппел ему отказывает. Упорный юноша устраивается в другой цех. И дружба с Пирет продолжается. Одновременно в пьесе возникает другая сюжетная линия: Марет увлечается Эйном Ванаксом, инженером, приехавшим на строительство. Так возникают две параллельные сюжетные линии. Но тут происходит неожиданное смещение: тема доверия к людям уступает место теме: «а если это любовь?». Марет, человек интеллигентный, современный, как будто должна была первой почувствовать, насколько серьезные отношения молодых людей. Но она противопоставляется безотчетным недоверием и резко вторгается в чужие чувства... Не знаю, как бы автор нашел равнялку, если бы близости не оказалось стропильного объекта, с лесов которого сорвалась девушка. Весь третий акт проходит в де-

журной комнате больницы, где Пирет делают операцию, а все остальные герои заявляют о безграничной к ней любви, и происходит всеобщее примирение. Уходишь с такого спектакля и думаешь: а что все-таки хотели сказать автор и театр?

Все это осложнило задачу режиссуры и исполнителей. Талантливые актеры, естественно, старались оправдать свое пребывание на сцене, но это далеко не на всем удалось. Хорошее впечатление все же оставляет Микк Микивер, на которого легла трудная задача создать образ упорного и честного парня, почувствовавшего, как трудно отказаться от любви. Живой, полной жизненной мудрости и тонкой иронии предстала бабушка Кадри в исполнении Линды Тубин. Обязательной и снова неожиданной для нас явилась Ита Эвер — Марет, но роль оказалась неясной, противоречивой и потому самый образ остался неясным.

Театр имени В. Кингисеппа — хороший, талантливый коллектив! И если его сильные спектакли рождались во взаимодействии таланта театра и драматурга, то слабые — главным образом от недостатков драматургии. Это и дает нам основание не во всем одобрять репертуарную политику театра.

И еще: театр мало ставит пьес драматургов РСФСР и других братских республик и в то же время не всегда проявляет столь же высокую требовательность и к «своим» авторам. Об этом стоит подумать.

В. ЗАЛЕСКИП.